БУБНЫ ЗА ГОРАМИ

Да раскатится бубен зелёный
В ноги к нам предрассветной
стезёй!
Колдуны, над землёй
воскрешённой
Покамлайте весенней грозой!
Вознесите Всевидящим данный
Голос, криком порадовав рот, —
Пусть, врачуя проталины-раны,
Юность свежей травою взойдёт!

Эй, кудесники, чествуйте лето, —
В небе солнца расчищен исток!
Жёлтый бубен звучит над
планетой
Словно долгий шмелиный
гудок.
Колос зреет, и множатся птицы,
И прогрета речонка до дна…
Спи, сыночек, пока тебе
спится, —
Сладко бродит в душе тишина.

Бейте в красные бубны, шаманы!
Рыжих лис нацепите хвосты!
Ярко льётся сквозь дождь и
туманы

Ниспадающий шелест листвы!
Поддержите алеющий пламень, —
В нём былому легко умереть;
Всё равно слишком быстро
над нами
Застывает небесная твердь.

А теперь... собирайтесь, провидцы,
В дом зимы и копите жирок, —
Колотушкой по округу биться
Вместо вас подряжён ветерок.
Он потом докружит до метели,
А метель — разрастётся в
буран...
Всё, что за год стучали и пели —
Просто снег. Льдистый отблеск.
Обман.

ПОДЛУННОЕ

В маленькой спальне в одной из
квартир
Девочка хочет забыть этот мир,
Мир был жесток. Жизнь была
тяжела.
В маленькой спальне четыре угла.

В маленькой спальне она у
окна, —
А за окном — тишина и луна.
Больше не вспомнить ни звёзд,
ни планет...
Только луны утешающий свет.

Он как мелодия, как эликсир,
Он помогает забыть этот мир,
Жизнь, что сегодня опять тяжела,
Маленькой спальни четыре угла.

Девочка спит. У ладони её
Лучик луны задержал остриё,
И ускользает на крашеный пол,
Так и не сделав целебный укол.

МОЛИТВА К ОФЕЛИИ

Сохрани меня от безумия,
Если я не смогла сама;
Светлой щедростью полнолуния
Нищебродке дана сума, —

Не для счастья дана, для скудости,
Чтоб копила полушки-дни...
Не прошу о безликой мудрости, —
От безумия сохрани.

Ну а если же не останется
Малой милости для меня,
Подари полоумной страннице
Горстку лунного ячменя.

Чтоб не жала бы я, не сеяла,
А с молитвою на устах
Накормила ворону белую
И других небывалых птах.

СОЛДАТИКИ

Поиграем в войну словно в
детстве — без крови —
Из коробки одной и соратник
и враг,
Командиры лихие — с мизинцами
вровень,
Все солдаты встают после
шквальных атак.

У солдатиков нет матерей
оловянных,
Женщин в тёмных платках не
положено тут,
И крестов — не наград, а
простых, деревянных,
Отчего-то в наборы с игрой
не кладут.

Впрочем, их для солдат
раздобыть не проблема,
Если хочешь, две спички крест-
накрест свяжи...
Всё как будто взаправду, но
лишь — без измены, —
Без холодного зверства, без
смерти и лжи...

Так давай же играть! Выводи
батальоны
Ряд за рядом — соседнему миру
назло,
Где повестки несут по домам
почтальоны,
И откуда безжалостно детство
ушло.

ПРЕДТЕЧА

Нам, последнему воинству
Судного дня,
Не прописан в контракте среди
многоточий
Пункт о Божьем запрете начала
огня, —
Если можешь стрелять, то
стреляй сколько хочешь.

И в сердцах под ременной
чертой портупей
Обезврежены и милосердье,
и жалость...
Крика ворона перья на крыльях
черней,
Было белым крыло в день,
когда выдавалось.

Нам привычнее взрывы, чем
звуки осанн,
Нам обещан паёк по свершении
дела,
И похожи на наши врагов голоса,
И знакомы глаза в перекрестье
прицела.

Есть одно только правило в
нашей войне, —
Делать выстрел в упор, если
спросят ответа
На вопрос «Вы, ребята, на чьей
стороне?»
Так как стороны тьмы нынче —
стороны света.

* * *

Лист Мёбиуса вывернут наружу,
Сменилось направленье кривизны,
И над любовью проползает ужас,
И зимы скачут впереди весны.

О, те, кто это делал, точно знали,
Как болью править мировой
формат, —
Свести концами завитки спирали
И руки резко заломить назад.

Победное насилие тотально,
А бытие — экран былых кино;
От гибнущей галактики до
спальни
Сознанием оно искажено.

А впрочем, нам с тобой не всё
равно ли,
Куда, зачем ведут дела и дни?
Ведут они туда, куда позволят,
Ведь я и ты — простые муравьи...

* * *

Объясни мне слово «быль»,
объясни мне слово «небыль»...
Отобрал седой ковыль землю у
травы и хлеба, —

Отливая синевой, он сияет в
лунном свете,
А над ним — голодный вой, это
волк луну заметил...
Что ж, до полночи — шажок,
лунный свет сойдётся клином,
С неба спустится божок в
ипостаси лошадиной
И до утренней росы будет мчать
в крови и мыле —
Уцелевший чудом сын
Диомедовой кобылы.
А за ним — помчится волк, степь
ковыльную тревожа...
Кто тут жертва, кто тут бог,
кто тут быль?..
И небыль — кто же?

ТРИ РАДОСТИ

(на картину Н. Рериха)

После дня трудового
крестьянский народ
Вышел слушать-послушать, как
дивно поёт
Тем, кто млад, тем, кто в силе, и
тем, кто уж стар
О трёх радостях песню
хожалый гусляр.

А и первая радость — да мир
над землёй,
Слез с коня боевого Егорий
святой,
Не тревожит его ни война и ни
бунт,
Он ведёт безоружно в ночное
табун.

А вторая-то радость — у
взрослых и чад
Ни несчастий, ни хворей, —
и бродит меж стад
Николай Чудотворец, — от зла
и обид
Лишь телят да коровок под
солнцем хранит.

Ну а третья-то радость...
та радостней всех, —
Люди напрочь забыли про злобу
да грех,
И, оставив судейское место своё,
Сам Илья Громовержец ушёл
на жнивьё.

Ой, гуслярская песня, —
и в смех, и всерьёз...
Аж в очах облака засияли от слёз,
И на облаке гладит почти наяву
Богородица взрослому Сыну
главу...

ПРОЩАЛЬНОЕ

Уведи моего коня,
Напои из чужой реки,
Пусть пойдёт он, уздой звеня,
Смяв копытами васильки, —

Не оглянется, не всхрапнёт,
Не вздохнёт по моей руке,
Вкус почувствует новых вод,
Что синеют невдалеке.

Даже пешему по плечу
К ним губами в жару прильнуть...
Я же облаком полечу
В невозвратный последний путь,

Но увидеть ещё смогу,
На мгновенье сдержав полёт,
Как, послушный теперь врагу,
Конь мой вдоволь из речки пьёт.